

Author: Криворуков Лука

Гаснущие тени

“Ты разве умер?” - с уст моих слетело.

И он в ответ: "Мне ведать не дано,
Как здравствует мое земное тело.”

Данте Алигьери

“Божественная Комедия. Ад”

На песчаном холме собралась толпа. Слышны рыдания и крики, все смотрят в сторону установленных на вершине крестов.

— Иисус! - кричит женщина пытаясь прорваться через оцепление римских солдат - Иисус! - кричит она и падает в пыль.

Мы видим лицо мужчины. Оно имеет тонкие черты, печальные глаза, а окровавленные губы изогнуты в усталой улыбке. Точка обзора отдалается и мы видим что он распят. В иссушенные руки вбиты огромные гвозди, тело испещрено ранами и синяками, грудная клетка, обтянутая кожей, вздымается в болезненных судорогах.

— Не плачьте, люди... Я воскресну... - тихо говорит он и закрывает глаза. Голова его безжизненно виснет.

Толпа взрывается рыданиями.

Точка обзора медленно уходит вверх, толпа становится все меньше, а стоны тише. Раздается голос за кадром.

— Иисус был величайшим из людей. Легенда гласит, что своей добродетелью он заслужил воскрешение... А вы? Разве, вы - плохой человек? Компания “NewLife” предоставляет возможность воскреснуть каждому.

Картинка меняется, и теперь мы видим современное помещение. Посередине просторного светлого зала находится белоснежный резервуар, возле него стоят два человека в белых халатах. Крышка резервуара отъезжает вверх, и люди в халатах помогают выбраться из него мужчине в набедренной повязке. В нем мы узнаем показанного ранее Иисуса, но уже загорелого, с аккуратно подстриженной бородкой, здорового и полного сил.

Выбравшись, Иисус уверенным шагом направляется к нам. На ходу он рассказывает:

— “NewLife” предлагает вам страховку на случай гибели вашего тела. Все очень просто: наши сотрудники берут у вас пробу ДНК, – Иисус, не останавливаясь, указывает на улыбающегося мужчину, у которого из вены берут кровь - После взятия пробы в организм вводится микрочип, записывающий на себя ваше сознание.

Иисус раскрытой вверх ладонью протягивает к нам руку. Точка обзора приближается до тех пор, пока мы ни видим, что в руке у него лежит микроскопических размеров черное зернышко.

— Этот микрочип записывает все - ваши эмоции, мысли, память... Вся записанная на нем информация передается в наш центр, где она обрабатывается и после вашей гибели помещается в новое тело, выращенное из взятого анализа ДНК. Вуаля! - вы просыпаетесь в новом, абсолютно здоровом теле и при этом отлично помните всю свою жизнь вплоть до последних моментов! Самое замечательное, что чип не нужно вживлять в организм с самого рождения - для записи вашей личности достаточно всего нескольких дней. Также подобный метод дает сто процентную гарантию воскрешения не

смотря даже на то, что ваше тело вместе с чипом будет полностью уничтожено, или останется не найденным.

К Иисусу подбегает женщина, пытавшаяся прорваться к кресту в начале ролика, и плача от счастья обнимает.

— Подумайте о своих близких, - говорит он, глядя женщину по голове. - Подумайте о детях, которые могут остаться без родителей... О родителях, которые могут остаться без детей... И записывайтесь на “спасительное чипирование”. - Иисус, улыбаясь, подмигивает нам и показывает большой палец правой руки.

Я выключаю голоэкрэн и смотрю на дочь.

— Пап, а ты воскреснешь, если умрешь?

— Нет.

— А почему?

— Потому что я не Иисус... - говорю я и улыбаюсь.

Дочь молчит и пристально смотрит на меня. Я сдаюсь.

— Понимаешь, Лисенок, люди не должны воскресать.

— Почему? - дочь грустнеет, и отводит глаза в сторону - Я хочу, что бы ты всегда был рядом. Мне страшно думать, что когда-нибудь тебя не станет.

— Пойми, никто не воскресает. Эти торгаши говорят, что каждый может получить второй шанс на жизнь. Они говорят, что могут воскресить мертвых, но на самом деле они лишь продают иллюзию для живых. Они просто делают копии людей. Если ты умрешь, то ты умрешь. Ты почувствуешь боль, твое сердце остановится и, ты навсегда расстанешься с жизнью, а на твое место поставят точно такую же девочку, с твоими глазами, улыбкой, памятью, но это будет другая девочка! Понимаешь? Разве ты воскреснешь от того, что по земле будет ходить девочка точь-в-точь похожая на тебя?

Последние слова я произнес очень громко и достаточно резко. Алиса испуганно смотрела на меня.

— Прости, дочушь...

— Ничего - сказала она - Я просто боюсь, что ты умрешь... как мама.

Это случилось несколько лет назад. Мы ехали по заснеженной трассе на новеньком внедорожнике.

— Зай, не гони так - говорила она, сидя рядом.

— Не волнуйся - отвечал я, улыбаясь.

— Я понимаю, тебе не страшно, но ты хоть об Алисе подумай. Не дай бог что-то случится... - Почему она сказала это тогда? Она что-то чувствовала? Знала? Как бы там ни было, эти слова подействовали на меня, и я сбросил скорость.

— Как думаешь, может, Алисе нужна сестричка? - сказал я, глядя через водительское зеркало, как на заднем сидении спит наша дочь.

— Мне нужно тебе кое-что сказать... - помолчав некоторое время, ответила жена, и тут же в окне позади нее вспыхнул свет фар.

Раздался визг колес, стекло покрылось мелкой сеточкой и взорвалось. От удара машину повело вбок, промчавшись еще несколько метров, она слетела с дороги, ведущей к мосту, и сквозь занесенные снегом кустарники упала в воду.

Когда я вышел из секундного замешательства, то увидел, как ледяная вода заполняет машину. Я отстегнул свой ремень безопасности и попытался отстегнуть стонущую жену, но замок заклинило и ничего не выходило.

— Алиса! Спаси Алису! - закричала жена и оттолкнула меня. Посмотрев назад, я увидел испуганную дочь, ошарашено смотрящую на прибывающую воду.

— Пап,-

— Что?

— А маму можно воскресить?

— Нет.

— А почему?

— Потому что человека невозможно воскресить. Можно лишь создать точно такого же. Я объяснял тебе...

— А можно сделать такую же маму, как наша мама?

— Нет... Когда мама умерла, в ее теле не было записывающего память чипа.

— Значит, я больше никогда ее не увижу?

— Почему ты не хочешь прочипировать нашу внучку? - напирала на меня Зинаида Михайловна. - А если с ней что-то случится? Если она погибнет в аварии, или из-за какой-нибудь болезни?

— Если она погибнет, то тогда она погибнет - спокойно отвечаю я.

Зинаида Михайловна выпрямляется, глаза ее выпучиваются и застывают.

— Да как ты можешь говорить такое!! Ты... ты бесчувственный ублюдок! Погубил мою дочь, и внучку убить хочешь!? Как можно быть таким бессердечным? - Глаза ее наполняются слезами, она всхлипывает. - Ты - чудовище!

Я молча сижу. Смотрю, как теща заливается в истерике. Я спокоен - этот концерт я вижу не в первый раз.

Как только она узнала о том, что есть возможность “воскрешать” людей, и нужна лишь кругленькая сумма, плюс согласие ближайших родственников, она

загорелась идеей зачипировать Алису. Ее можно понять - она мать, потерявшая собственного ребенка. Горе охватило ее, и страх перед смертью внучки не дает ей спать, но как ей объяснить, что это все обман?

Как им всем объяснить, что это просто новый рынок услуг, и ни какого чуда не произойдет? Как объяснить, что окружающие нас люди созданы не только ради нашего развлечения - человек не игрушка, при поломке которой, можно просто купить точно такую же. Человек это нечто большее.

— Зинаида Михайловна, - сказал я и, стараясь успокоить, взял ее за руку - я знаю, вы любили свою дочь. Я знаю, вы любите свою внучку. Но поймите, воскрешение - это самообман. Возродившиеся - это не те, на кого они похожи. Это даже не люди. Они не могут полноценно размножаться, их дети рождаются обреченными на смерть еще в младенчестве, не зависимо от того воскрешенный только один из родителей, или оба. С каждым днем жизнь самих воскрешенных так же угасает из-за особенностей клонированного организма. Сама природа не дает им жить дольше, их тела не способны адаптироваться к новым условиям жизни. Они не способны создавать новые методы защиты от новых болезней и поэтому никто из них не проживет дольше десяти лет. Они вообще не могут создавать что-либо новое. Их сознание как будто застывает на том моменте, когда погибли их оригиналы - внешне они как обычные люди - они двигаются, их настроение меняется, они злятся, боятся, радуются, но они ни когда не перерастут тот момент на котором прервалась их жизнь. Они будут просто существовать в соответствии с теми данными о жизни, что получили их оригиналы. Будут есть, спать, работать, даже думать и чувствовать, но они не смогут развиваться... Скажите вы хотите что бы вместо вашей внучки ходил подобный зомби? Хотите видеть точно такую же девочку, как Алиса, смотреть ей в глаза, слышать ее смех, зная при этом и то, что в этом сосуде заключены чувства, знания, память вашей внучки и то, что меньше чем

через десять лет, ей придется умереть вновь. При этом, копия точно так же как и ваша внучка будет чувствовать боль и страдания, точно так же будет бояться умирать. Но и сами эти десять лет ее жизни не будут похожи на жизнь человека... это скорее существование тени, оставшейся вопреки всем законам после того как пламя жизни уже угасло.

Зинаида Михайловна молчала, она уставилась на меня зарёванными глазами, открыв рот и сжимая в руках салфетку.

— Но по головизору сказали...

— Забудьте! - не выдержав, вскрикнул я, но тут же успокоился. - Забудьте то, что говорят по головизору. Они просто хотят “продать товар”, и конечно же, они будут умалчивать о темных сторонах воскрешения. Поверьте мне, я говорю вам все это как специалист, как один из тех, кто создал технологию воскрешения.

В палате пахло какими-то цветами.

— Ты бездушная скотина! - сказала сквозь зубы Зинаида Михайловна и, утирая слезы, вышла. За ней вышел и представитель “NewLife”.

Рука Алисы, такая холодная и слабая, сжимает мои указательный и средний пальцы.

— Папочка, сделай, как говорит бабушка... Может, она тогда не будет плакать?

Смотря на ее бледное лицо, я с трудом сдерживаю слезы, и потому, боясь, что мой голос дрогнет, отвечаю не сразу.

— Алиса, бабушка хочет... Она хочет, что бы ты выздоровела. Выздоровливай, и тогда она не будет плакать.

Голос все же предательски дрогнул, и по щеке скатилась слеза.

— Пап, я знаю, я не выздоровею. Я умру...

— Нет, нет... - залепетал я, не понимая, кого я больше пытаюсь обмануть - себя, или умирающую дочь.

— Ты не умрешь, не умрешь, деточка...

— Не волнуйся, пап, я не боюсь. Мне только очень больно. Я просто хочу избавиться от боли... Но... Но, бабушке тоже больно. И тебе... Вам будет плохо потому что у вас не будет меня. Бабушка просто хочет, что бы я была рядом с ней.

Алиса судорожно вздохнула, глаза ее на миг помутнели от внезапной боли, но через секунду она продолжила:

— Пап... сделай такую же девочку, как я. Пусть она живет вместо меня, когда я умру. А вы любите ее...

Меня накрыло волной отчаянья и не в силах сдерживать слез, я зарыдал. Обнимая своего ребенка, целуя ее в лобик, я шептал:

— Я люблю тебя, люблю тебя, Алиса. И всегда буду любить тебя!

— Пап, когда я умру, не люби меня... - говорила она, прижавшись к моей груди - Я видела, как тебе плохо из-за того, что ты скучаешь по маме... Когда я умру, не люби меня больше... люби ту девочку, которая будет вместо меня.

Успокоившись и выйдя в коридор, я подошел к сидящим на диване Зинаиде Михайловне и успокаивающему ее человеку. Я знал, что успокаивает он ее не из жалости. Он не сопереживает ее горю - их этому учат. Он просто делает свою работу - он продает товар.

Я не виню его за внутреннее безразличие, не виню за хорошую игру, но не могу ему простить то, что он торгует надеждой.

— Согласен. Я подпишу договор...

Зинаида Михайловна подняла заплаканные глаза, вскочила и, заключив меня в слабые объятия, разрыдалась вновь.

— Мы оформляем договор на копирование моей дочери... Зачем вам анализ моей крови?

Стоящий со шприцем в руке медик пояснил:

— У нас принято говорить “воскрешение”, а не “копирование”.

Я промолчал.

— Таков порядок. По правилам компании мы берем анализы у родственников воскрешаемого тоже. Это делается для выявления наследственных заболеваний, и для необходимой корректировки структуры ДНК.

— Что ж, берите... будет вам небольшой сюрприз.

— Извините, но... тут...

— Да, все правильно - прервал я оформляющего документы менеджера. Я знал что он обнаружил, проверяя результаты анализов моей крови.

— Да, я - воскрешенный.

— Но как? Я не понимаю... Почему-то вас нет в наших базах - говорил менеджер, ища что-то в мониторе компьютера.

Я иронично ухмыльнулся.

— Меня нет в ваших базах, потому что я к вам не обращался.

— Как? - он оторвался от монитора и посмотрел на меня - Но, как вы прошли воскрешение, не обратившись к нам?

— Я погиб пять лет назад. Тогда вашей фирмы еще просто не существовало.

— Но сама технология воскрешения... Ей всего четыре года!

— Не могу сказать вам, как давно уже среди нас ходят воскрешенные, но поверьте мне, вы были бы поражены, если бы узнали, насколько стары

разработки в этой области - я посмотрел на поднятые брови менеджера, потом перевел взгляд на его ухоженные руки, застывшие на клавиатуре. - Я один из разработчиков технологии воскрешения и пять лет назад был в числе тех людей, которым вводили “чип” для исследования его влияния на человеческий организм. Вышло так, что всего через несколько дней после чипирования моя семья попала в автокатастрофу. Выжила только дочь.

Менеджер вышел из кабинета. Вернулся он только минут через двадцать, протянул мне договор и с равнодушным видом произнес:

— Подпишите здесь и здесь.

После того, как я поставил подписи, он добавил:

— Я надеюсь, вы понимаете, что в случае, если вы захотите воскреснуть, это сделать будет невозможно - в соответствии со статьей семнадцать, главы второй “Закона о продлении жизни гражданина”, воскрешать одного человека можно всего один раз.

Я молчал, испытывая настоящее отвращение к этому человеку с соляной кожей и угревой сыпью, скрытой под слоем косметики. Если я умер пять лет назад, то он был мертв намного дольше... Зомби в белом воротничке, неживой механизм, выполняющий предназначенную функцию - ни сомнений, ни сочувствия. Вся его жизнь - это поддержание жизнеспособности тела, удовлетворение целей заложенных когда-то давно программ и выполнение задач.

— Чип будет вживлен вашей дочери в течении нескольких часов с момента как на счет “NewLife” поступит оплата. Удачи вам! Будем рады видеть вас снова!

— Пошел ты... - уходя, зло процедил я сквозь зубы.

Мы устроили пикник в парке и любимся на заходящее солнце. В волосах играет теплый ветер, мои ладони за спиной упираются в мягкую траву. Алиса, лежа на покрывале, пишет что-то в “планшетник” - такие вечера напоминают мне то время, когда я был жив.

— Пап... Помнишь, ты говорил, что вместо Алисы будет другая девочка? - говорит она, не глядя на меня.

— ...

— Пааап. Но я все та же. Я - Алиса... - она поворачивает голову ко мне и смотрит в глаза.

— Я знаю. Конечно же, ты - Алиса. А я твой папа.

Мы улыбаемся и смотрим друг на друга. Она берет меня за руку и заглядывает своими огромными голубыми глазами куда-то в глубь меня, туда, где должна быть душа. Пустота во мне съезживается, и по телу пробегают мурашки.

Ни чего не изменилось. Разве что в ее новеньком паспорте стоит отметка “R” и за ухом, как и у меня, теперь есть две черных точки - “клеймо мертвых”.

А так... Мы такие же, как раньше. Мы живем, едим, спим, общаемся. Только вот какое-то щемящее чувство в груди порой напоминает о том, что нас давно нет. О том, что мы пустые оболочки мертвых людей. Мы словно тени того, чего уже никогда не будет.

Для чего мы здесь? Для кого?

Я поворачиваю голову и вижу, как к нам идет Зинаида Михайловна. В руках у нее три стаканчика с мороженым, а на лице грустная улыбка. Алиса встает с покрывала, и бежит к ней.